

Максим Горький

Егор Булычов и другие

Максим Алексеевич Горький Егор Булычов и другие

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172838*

Васса Железнова: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-16372-7

Аннотация

«Столовая в богатом купеческом доме. Тяжелая громоздкая мебель. Широкий кожаный диван, рядом с ним – лестница во второй этаж. В правом углу фонарь, выход в сад. Яркий зимний день. Ксения, сидя у стола, моет чайную посуду. Глафира, в фонаре, возится с цветами. Входит Александра, в халате, в туфлях на босую ногу, непричесанная, волосы рыжие, как и у Егора Булычова...»

Содержание

Действующие лица	4
Первый акт	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Максим Горький

Егор Булычов и другие

Действующие лица

Егор Булычов.

Ксения – его жена.

Варвара – дочь от Ксении.

Александра – побочная дочь.

Мелания – игуменья, сестра жены.

Звонцов – муж Варвары.

Тягин – его двоюродный брат.

Мокей Башкин.

Василий Достигаев.

Елизавета – жена его.

дети от первой жены

Антонина

Алексей

Павлин – поп.

Доктор.

Трубач.

Зобунова – знахарка.

Пропотей – блаженный.

Глафира – горничная.

Таисья – служка Мелании.

Мокроусов – полицейский.

Яков Лаптев – крестник Булычова.

Донат – лесник.

Первый акт

Столовая в богатом купеческом доме. Тяжелая громоздкая мебель. Широкий кожаный диван, рядом с ним – лестница во второй этаж. В правом углу фонарь, выход в сад. Яркий зимний день. Ксения, сидя у стола, моет чайную посуду. Глафира, в фонаре, возится с цветами. Входит Александра, в халате, в туфлях на босую ногу, непричесанная, волосы рыжие, как и у Егора Булычова.

Ксения. Ох, Шурка, спишь ты...

Шура. Не шипите, не поможет. Глаша – кофе! А где газета?

Глафира. Варваре Егоровне наверх подала.

Шура. Принеси. На весь дом одну газету выписывают, черти!

Ксения. Это кто – черти?

Шура. Папа дома?

Ксения. К раненым поехал. Черти-то – Звонцовы?

Шура. Да, они. (У телефона.) Семнадцать – шестьдесят три.

Ксения. Вот я скажу Звонцовым-то, как ты их... че-стишь!

Шура. Позовите Тоню!

Ксения. До чего ты дойдешь?

Шура. Это ты, Антонина? На лыжах едем? Нет? Почему? Спектакль? Откажись! Эх ты, – незаконная вдова!.. Ну, хо-рошо.

Ксения. Как же это ты девушку-то вдовой зовешь?

Шура. Жених у нее помер или нет?

Ксения. Все-таки она – девушка.

Шура. А вы почему знаете?

Ксения. Фу, бесстыдница!

Глафира (*подает кофе*). Газету Варвара Егоровна сама принесет.

Ксения. Больно много ты знаешь для твоих лет. Гляди: меньше знаешь – крепче спишь! Я в твои годы ничего не знала...

Шура. Вы и теперь...

Ксения. Тьфу тебе!

Шура. Вот сестрица шествует важно. Бонжур, мадам!
Комман са ва?¹

Варвара. Уже одиннадцать, а ты не одета, не причесана...

Шура. Начинается.

Варвара. Ты все более нахально пользуешься тем, что отец балует тебя... и что он нездоров...

¹ Как дела? (*фр.* Comment ça va?)

Шура. Это – ты надолго?

Ксения. А что ей отцово здоровье?

Варвара. Я должна буду рассказать ему о твоём поведении... . . .

Шура. Заранее благодарна. Кончилось?

Варвара. Ты – дура!

Шура. Не верю! Это не я – дура.

Варвара. Рыжая дура!

Шура. Варвара Егоровна, вы совершенно бесполезно тратите энергию!

Ксения. Вот и учи ее!

Шура. И у вас портится характер.

Варвара. Хорошо... хорошо, милая! Мамаша, пойдемте-ка в кухню, там повар капризничает... . . .

Ксения. Он – не в себе, у него сына убили.

Варвара. Ну, это не резон для капризов. Теперь столько убивают... . . .

Ушли.

Шура. А если б у нее красавца Андрюшу ухлопали, вот бы взвилась!

Глафира. Зря вы дразните их. Пейте скорее, мне здесь убирать надо. (*Ушла, унося самовар.*)

Шура сидит, откинувшись на спинку стула, закрыв глаза, руки – на затылке рыжей лохматой головы.

Звонцов (*с лестницы, в туфлях, подкрался к ней, обнял сзади*). О чем замечталась, рыжая коза?

Шура (*не открывая глаз, не шевелясь*). Не трогайте меня.

Звонцов. Почему? Ведь тебе приятно? Скажи – да? Приятно?

Шура. Нет.

Звонцов. Почему?

Шура. Оставьте. Вы – притворяетесь. Я вам не нравлюсь.

Звонцов. А хочешь нравиться, да?

На лестнице – Варвара.

Шура. Если Варвара узнает...

Звонцов. Тише... (*Отшел, говорит поучительно.*) Не да... Следует взять себя в руки. Надобно учиться...

Варвара. Она предпочитает говорить дерзости и пускать мыльные пузыри с Антониной.

Шура. Ну и пускаю. Люблю пускать пузыри. Что тебе – мыла жалко?

Варвара. Мне жалко – тебя. Я не знаю – как ты будешь жить? Из гимназии тебя попросили удалиться...

Шура. Неправда.

Варвара. Твоя подруга – полоумная.

Звонцов. Она хочет музыке учиться.

Варвара. Кто?

Звонцов. Шура.

Шура. Неправда. Я не хочу учиться музыке.

Варвара. Откуда же ты это взял?

Звонцов. Разве ты, Шура, не говорила, что хочешь?

Шура (*уходя*). Никогда не говорила.

Звонцов. Гм... Странно. Не сам же я выдумал это! Ты,

Варя, очень сердито с ней...

Варвара. А ты слишком ласков.

Звонцов. Что значит – слишком? Ты же знаешь мой план...

Варвара. План – это план, но мне кажется, что ты подозрительно ласков.

Звонцов. Глупости у тебя в голове...

Варвара. Да? Глупости?

Звонцов. Сообрази сама: уместны ли в такое серьезнейшее время сцены ревности?

Варвара. Ты зачем сюда спустился?

Звонцов. Я? Тут... объявление одно в газете. И лесник приехал, говорит: мужики медведя обложили.

Варвара. Донат – в кухне. Объявление – о чем?

Звонцов. Это, наконец, возмутительно! Как ты говоришь со мной? Что я – мальчишка? Черт знает...

Варвара. Не кипятись! Кажется – отец приехал. А ты в таком виде.

Звонцов поспешно идет вверх, Варвара – встречать отца. Шура в зеленой теплой кофте и в зеленом колпаке бежит к телефону, ее перехватил и молча прижал к себе Булычов, за ним идет поп Павлин, в лиловой рясе.

Булычов (сел к столу, обняв Шуру за талию, она гладит его медные, с проседью, волосы). Народа перепортили столько, что страшно глядеть...

Павлин. Цветете, Шурочка? Простите, не поздоровался...

Шура. Это я должна была сделать, отец Павлин, но папа схватил меня, как медведь...

Булычов. Стой! Шурка, смирно! Куда теперь этот народ? А бесполезных людей у нас и до войны многовато было. Зря влезли в эту войну...

Павлин (вздыхнув). Соображения высшей власти...

Булычов. С японцами тоже плохо сообразили, и получился всемирный стыд...

Павлин. Однако войны не токмо разоряют, но и обогащают как опытом, так равно и...

Булычов. Одни – воюют, другие – воруют.

Павлин. К тому же ничто в мире не совершается помимо воли божией, и – что значит ропот наш?

Булычов. Ты, Павлин Савельев, брось проповеди... Шурок, ты на лыжах бежать собралась?

Шура. Да, Антонину жду.

Булычов. Ну... ладно! Не уйдешь, так я тебя – минут через пяток – позову!

Шура убежала.

Павлин. Выровнялась как, отроковица...

Булычов. Телом – хороша, ловкая, а лицом – не удалась. Мать у нее некрасива была. Умная, как черт, а некрасива.

Павлин. Лицо у Александры Егоровны... своеобразное... и... не лишено привлекательности. Родительница – откуда родом?

Булычов. Сибирячка. Ты говоришь – высшая власть... от бога... и все такое, ну а Дума-то – как? Откуда?

Павлин. Дума, это... так сказать – допущение самой власти к умалению ее. Многие полагают, что даже – роковая ошибка, но священно-церковнослужителю не подобает входить в рассуждение о сих материях. К тому же в наши дни на духовенство возложена обязанность воспламенять дух бодрости... и углублять любовь к престолу, к отечеству...

Булычов. Воспламенили дух да в лужу и – бух...

Павлин. Как известно вам – убедил я старосту храма моего расширить хор певчих, а также беседовал с генералом Бетлингом о пожертвовании на колокол новостроящегося храма

во имя небесного предстателя вашего, Егория...

Булычов. Не дал на колокол?

Павлин. Отказал и даже неприятно пошутил: «Медь, говорит, даже в полковых оркестрах – не люблю!» Вот вам бы на колокол-то хорошо пожертвовать по причине вашего недомогания?

Булычов (*вставая*). Колокольным звоном болезни не лечат.

Павлин. Как знать? Науке причины болезней неведомы. В некоторых санаториях иностранных музыкой лечат, слышал я. Тоже и у нас существует пожарный, он игрой на трубе пользуется...

Булычов (*усмехаясь*). На какой трубе?

Павлин. На медной. Говорят, весьма большая труба!

Булычов. Ну, если – большая... Вылечивает?

Павлин. Будто бы успешно! Все может быть, высокопочтеннейший Егор Васильевич! Все может быть. В тайнах живем, во мраке многочисленных и неразрешимых тайн. Кажется нам, что – светло и свет сей исходит от разума нашего, а ведь светло-то лишь для телесного зрения, дух же, может быть, разумом только затемняется и даже – угашается...

Булычов (*вздыхая*). Эко слов-то у тебя сколько...

Павлин (*все более воодушевленно*). Возьмите, примерно, блаженного Прокопия, в какой радости живет сей муж, дурачком именуемый невегласами...

Булычов. Ну, ты опять, тово... проповедуешь! Про-

щай-ко. Устал я.

Павлин. Сердечно желаю доброго здоровья. Молитвенник ваш... (*Уходит.*)

Булычов (*щупая правый бок, подошел к дивану, ворчит*). Боров. Нажрался тела-крови Христовой... Глафира!.. Эй...

Варвара. Вы что?

Булычов. Ничего, Глафиру звал. Эк ты вырядилась! Куда это?

Варвара. На спектакль для выздоравливающих...

Булычов. И стеклышки на носу? Врешь, что глаза требуют, для моды носишь...

Варвара. Папаша, вы бы поговорили с Александрой, она ведет себя отчаянно, становится совершенно невыносимой..

Булычов. Все вы – хороши! Иди! (*Бормочет.*) Невыносимы. Вот я... выздоровлю, я вас, вынесу!

Глафира. Звали?

Булычов. Звал. Эх, Глаха, до чего ты хороша! Здоровая! Каленая! А Варвара у меня – выдра!

Глафира (*заглядывая на лестницу*). Ее счастье. Будь она красивой, вы бы и ее на постелю себе втащили.

Булычов. Дочь-то? Опомнись, дура! Что говоришь?

Глафира. Я знаю – что! Шуру-то тискаете, как чужую... как солдат!

Булычов (*изумлен*). Да ты, Глафира, рехнулась! Ты что: к дочери ревнуешь! Ты о Шурке не смей эдак думать. Как солдат... Как чужую! А ты бывала у солдата в руках? Ну?

Глафира. Не к месту... не ко времени разговоры эти. За-чем звали?

Булычов. Доната пошли. Стой! Дай-ко руку. Любишь все-таки? И хворого?

Глафира (*припадая к нему*). Горе ты мое... Да – не хво-рай ты! Не хворай... (*Оторвалась, убежала*).

*Булычов хмуро улыбается,
облизывает губы. Качает головой. Лег.*

Донат. Доброго здоровья, Егор Васильевич!

Булычов. Спасибо. С чем прибыл?

Донат. С хорошим: медведя обложили.

Булычов (*вздыхнув*). Ну, это... для зависти, а не для ра-дости. Мне теперь медведь – не забава. Лес-то рубят?

Донат. Помаленьку. Людей нет.

Входит Ксения. Нарядная, руки в кольцах.

Булычов. Ты что?

Ксения. Ничего. Ты бы, Егорий, не соблазнялся медве-дем-то, куда уж тебе охотиться.

Булычов. Помолчи. Нет людей?

Донат. Старики да мальчишки остались. Князю полсотни пленных дали, так они в лесу не могут работать.

Булычов. Они поди-ко с бабами работают.

Донат. Это – есть.

Булычов. Да... Баба теперь голодная.

Ксения. Слышно – большой разврат пошел по деревням...

Донат. Почему разврат, Аксинья Яковлевна? Мужиков – перебили, детей-то надобно родить? Выходит так: кто перебил, тот и народи...

Булычов. Похоже...

Ксения. Ну уж, какие дети от пленных! Хотя, конечно, ежели мужчина здоровый...

Булычов. А баба – дура, так ему от этой бабы детей иметь неохота.

Ксения. У нас бабы – умные. А здоровых-то мужиков всех на войну угнали, дома остались одни... адвокаты.

Булычов. Народу перепорчено – много.

Ксения. Зато остальные богаче жить будут.

Булычов. Сообразила!

Донат. Цари народом сыты не бывают.

Булычов. Как ты сказал?

Донат. Не бывают, говорю, цари народом сыты. Своих кормить нечем, а все хотим еще чужих завоевать.

Булычов. Верно. Это – верно!

Донат. Нельзя иначе понять – для какого смысла воюем? И вот бьют нас – за жадность.

Булычов. Правильно говоришь, Донат! Вот и Яков,

крестник, тоже говорит: «Жадность всему горю начало». Он – как там?

Донат. Он – ничего. Умный он у вас.

Ксения. Нашел умника! Дерзкий он, а не умный.

Донат. От ума и дерзок, Аксинья Яковлевна. Он там, Егорий Васильич, дезертиров подобрал человек десяток, поставил на работу, ничего – работают. А то они воровством баловались.

Булычов. Н-ну, это... Мокроусов узнает – скандалить начнет.

Донат. Мокроусов – знает. Он даже рад. Ему – легче.

Булычов. Ну, смотри...

Звонцов сходит сверху.

Донат. Медведя, значит...

Булычов. Медведь – твое счастье.

Звонцов. Разрешите предложить медведя Бетлингу! Вы знаете, он оказывает нам...

Булычов. Знаю, знаю! Предлагай. А то – архиерею предложи!

Ксения (*усмехаясь*). Вот бы поглядеть, как архиерей в медведя стреляет.

Булычов. Ну, я устал. Прощай, Донат! А что-то нехорошо все, братец мой, а? Как я захворал, так и началось неладное...

Донат молча поклонился, уходит.

Аксинья, Шурку пошли мне. Ты чего мнешься, Андрей? Говори сразу!

Звонцов. Я по поводу Лаптева...

Булычов. Ну?

Звонцов. Мне стало известно, что он связался с... неблагонадежными людьми и на ярмарке в Копосове говорил мужикам противуправительственные речи.

Булычов. Брось! Ну какие теперь ярмарки? Какие мужики? И что вы все на Якова жалуетесь?

Звонцов. Но ведь он как бы член нашей семьи...

Шура вбегает.

Булычов. Как бы... Не очень-то вы его... своим считаете. Он вот и обедать по воскресеньям не приходит... Иди, Андрей... После расскажешь...

Шура. На Якова ябедничал?

Булычов. Это – не твое дело. Сядь сюда. На тебя тоже все жалуются.

Шура. Кто – все?

Булычов. Аксинья, Варвара...

Шура. Это еще не все.

Булычов. Я серьезно говорю, Шуренок.

Шура. Серьезно ты говоришь – не так.

Булычов. Дерзкая ты со всеми, ничего не делаешь...

Шура. Если ничего не делаю, так в чем же дерзкая?

Булычов. Не слушаешь никого.

Шура. Всех слушаю. Тошно слушать, рыжий!

Булычов. Сама – рыжая, хуже меня. Вот и со мной говоришь... неладно! Надобно тебя ругать, а не хочется.

Шура. Не хочется, значит – не надо.

Булычов. Ишь ты! Не хочется – не надо. Эдак-то жить легко бы, да нельзя!

Шура. А кто мешает?

Булычов. Всё... все мешают. Тебе этого не понять...

Шура. А ты – научи, чтобы поняла, чтобы мне не мешали...

Булычов. Ну, этому... не научишь. Ты что, Аксинья? Что ты все бродишь, чего ищешь?

Ксения. Доктор приехал, и Башкин ждет. Лександра, оправь юбку, как ты сидишь?

Булычов (*встает*). Ну, зови доктора. Лежать мне вредно, тяжелею от лежанья. Эх... Улепетывай, Шуренок! Ногу не вывихни, гляди!

Доктор. Здравствуйте! Как мы себя чувствуем?

Булычов. Неважно. Плоховато лечишь, Нифонт Григорьевич.

Доктор. Нуте-ко, пойдете к вам...

Бульчов (*идя рядом с ним*). Ты давай мне самые злые, самые дорогие лекарства: мне, брат, обязательно выздороветь надо! Вылечишь – больницу построю, старшим будешь в ней, делай что хочешь...

Ушли. Ксения, Башкин.

Ксения. Что сказал, доктор-то?

Башкин. Рак, говорит, рак в печенке...

Ксения. Ух ты, господи! Что выдумают!

Башкин. Болезнь, говорит, опасная.

Ксения. Ну конечно! Всякий свое дело самым трудным считает.

Башкин. Не вовремя захворал! Кругом деньги падают, как из худого кармана, нищие тысячками становятся, а он...

Ксения. Да, да! Так богатеют люди, так богатеют!

Башкин. Достигаев до того растучнел, что весь незастегнутый ходит, а говорить может только тысячами. А у Егора Васильевича вроде затмения ума начинается... Намедни говорит: «Жил, говорит, я мимо настоящего дела». Что это значит?

Ксения. Ох, и я замечаю – нехорошо он говорит!

Башкин. А ведь он на твоём с сестрой капитале жить начал. Должен бы приумножать.

Ксения. Ошиблась я, Мокей, давно знаю – ошиблась. Вы-

шла замуж за приказчика, да не за того. Кабы за тебя вышла – как спокойно жили бы! А он... Господи! Какой озорник! Чего я от него ни терпела. Дочь прижил на стороне да посадил на мою шею. Зятя выбрал... из плохих – похуже. Боюсь я, Мокей Петрович, обойдут, облапошат меня зять с Варварой, пустят по миру...

Башкин. Все возможно. Война! На войне – ни стыда, ни жалости.

Ксения. Ты – старый наш слуга, тебя батюшка мой на ноги поставил, ты обо мне подумай...

Башкин. Я и думаю.

Звонцов идет.

Звонцов. Что, доктор – ушел?

Ксения. Там еще.

Звонцов. Мокей Петрович, как – сукно?

Башкин. Не принимает Бетлинг.

Звонцов. А сколько надобно дать ему?

Башкин. Тысяч... пяток, не меньше.

Ксения. Экий грабитель! А ведь старик!

Звонцов. Через Жанну?

Башкин. Да уж как установлено.

Ксения. Пять тысяч! За что? А?

Звонцов. Теперь деньги дешевы.

Ксения. В чужом-то кармане...

Звонцов. Тесть согласен?

Башкин. Вот, я пришел узнать, согласен ли...

Доктор (*вышел – берет Звонцова под руку*). Ну-с, вот что...

Ксения. Ох, порадуйте нас...

Доктор. Больной должен лежать, возможно больше. Всякие дела, волнения, раздражения – крайне вредны для него. Покой и покой! Затем... (*Шепчет Звонцову.*)

Ксения. А мне почему нельзя сказать? Я – жена!

Доктор. О некоторых вещах с дамами говорить неудобно. (*Снова шепчет.*) Сегодня же вечером и устроим.

Ксения. Что это вы устроите?

Доктор. Консилиум, совет докторов.

Ксения. Ба-атюшки...

Доктор. Это – не страшно. Ну-с, до свидания! (*Уходит.*)

Ксения. Строгий какой... Туда же! За пять минут пять целковых берет. Шестьдесят рублей в час... вот как!

Звонцов. Он говорит – операция нужна...

Ксения. Резать? Ну, уж это – нет! Нет, уж резать я не позволю...

Звонцов. Послушайте, это – невежественно! Хирургия, наука...

Ксения. Плевать мне на твою науку! Вот тебе! Ты тоже невежливо говоришь со мной.

Звонцов. Я говорю не о приличиях, а о вашей темноте...

Ксения. Сам не больно светел!

*Звонцов, махнув рукой, отошел
прочь. Глафира бежит.*

Куда?

Глафира. Звонок из спальни...

Ксения идет вместе с ней к мужу.

Звонцов. Не вовремя заболел тесть.

Башкин. Да. Стесняет. Время такое, что умные люди, как фокусники, прямо из воздуха деньги достают.

Звонцов. Н-да. К тому же революция будет.

Башкин. Это я не одобряю. Была она в пятом году. Бес-толковое дело.

Звонцов. В пятом был – бунт, а не революция. Тогда крестьяне и рабочие дома были, а теперь – на фронтах. Теперь революция будет против чиновников, губернаторов, министров.

Башкин. Если бы так – давай бог! Чиновники хуже клещей, вцепятся, не оторвешь...

Звонцов. Царь явно не способен править.

Башкин. Поговаривают об этом и в купечестве. Будто мужик какой-то царицу обошел!

Барвара на лестнице, слушает.

Звонцов. Да. Григорий Распутин.

Башкин. Не верится в колдовство.

Звонцов. А – в любовников – верите?

Башкин. На сказку похоже. У нее – генералов – сотни.

Барвара. Глупости какие говорите вы.

Башкин. Все так говорят, Барвара Егоровна. Я все-таки полагаю, что без царя – нельзя!

Звонцов. Царь должен быть не в Петрограде, а – в голове. Кончился спектакль?

Барвара. Отложили. Приехал какой-то ревизор, – вечером эшелон раненых будет, около пятисот. А места для них нет.

Глафира. Мокей Петрович, вас зовут.

Башкин ушел, оставив на столе теплый картуз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.